

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

ПОСЛЕ РАЗВОДА.
КОМАНДИР,
ВАШ РЕЙС ОТМЕНЕН

Павел Лимонов

**После развода. Командир,
ваш рейс отменен**

«Автор»

2026

Лимонов П.

После развода. Командир, ваш рейс отменен / П. Лимонов —
«Автор», 2026

В день, когда мой развод официально вступил в силу, я вернулась в авиацию и остановила вылет пассажирского самолета. В документах значилась новая деталь, но на борту стояла совсем другая. Командир летного отряда Денис Артемьев уверен, что я рискую судьбой авиакомпания из-за бумажной ошибки. Я уверена в другом: самолет не должен подниматься в небо, пока его безопасность подтверждается чужими номерами и преждевременными подписями. Проверка одного рейса приводит к подрядчику, сомнительным поставкам и людям, готовым назначить виновным любого, кто не сможет защититься. А мужчина, с которым мы начинали как противники, становится единственным, кто способен помочь мне установить правду. Только мой итоговый отчет может лишить Дениса должности. После восемнадцати лет брака я больше не стану молчать ради чужого спокойствия. Даже если ради этого придется рискнуть новой работой, репутацией и любовью, которой я не ожидала.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Решение на вылет	5
ГЛАВА 2. Несовпадающий номер	10
ГЛАВА 3. Сорок пять дней	15
ГЛАВА 4. Закрытый отчет	20
ГЛАВА 5. Два самолета, одна деталь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павел Лимонов

После развода. Командир, ваш рейс отменен

ГЛАВА 1. Решение на вылет

В девять двенадцать утра я поставила подпись под протоколом предварительных условий, который Игорь готовил три недели и называл справедливым.

Медиатор пододвинула ко мне второй экземпляр. На столе лежали расчеты, выписки и перечень имущества, нажитого за восемнадцать лет. Квартиру оставлял себе Игорь, выплатив мне половину согласованной стоимости. Остальное мы предварительно поделили еще в сентябре: автомобиль ему, дачный участок на продажу, личные вещи каждому свои. Спорные расчеты по семейным деньгам оставались для следующей встречи.

— Если вы оба подтверждаете согласованную часть, я приложу протокол к проекту соглашения, — сказала медиатор. — По оставшимся суммам встречаемся шестого октября.

Я подтвердила.

Игорь задержал ручку над бумагой.

— Инга, у нас еще есть время.

До начала моего рабочего дня оставалось сорок восемь минут. До аэропорта при свободной дороге — не меньше сорока. Для выяснения отношений время было выбрано безупречно: достаточно, чтобы я опоздала и снова почувствовала себя виноватой.

— Решение суда сегодня вступило в силу, — напомнила я. — Времени у нас больше нет.

— Я не о суде.

Медиатор отвела взгляд к окну. За шесть встреч она научилась оставлять нам подобие личного пространства, не покидая комнаты.

Игорь был в синем костюме, который я когда-то выбрала ему для переговоров в Москве. Ворот рубашки сидел безупречно. Я вдруг вспомнила, как зашивала оторванную пуговицу за полчаса до вылета, пока он отвечал на сообщения Карины. Тогда она была для меня начальником нового отдела. Для него, как выяснилось позже, — женщиной, с которой он уже искал квартиру.

— Ты можешь вернуться в компанию, — продолжил он. — Не обязательно сейчас отвечать. Я оставляю за тобой кабинет и прежние условия.

— Моего кабинета там нет с февраля.

— Его можно вернуть.

— Вместе с табличкой?

Игорь поморщился. Он не любил, когда я отвечала буквально на фразы, которые следовало понимать как красивый жест.

— Я говорю о нормальной жизни.

— У меня она сегодня начинается.

Он посмотрел на папку рядом с моей сумкой. На обложке стояло название аудиторской компании, с которой я подписала шестимесячный договор.

— Ты восемь лет не работала в авиации.

— Я десять месяцев училась и прошла аттестацию.

— Курсы не заменяют практику.

— Поэтому я и еду работать, а не преподавать.

Медиатор кашлянула. Игорь все-таки подписал протокол.

Я забрала свой экземпляр, проверила наличие всех приложений и убрала папку в сумку. За годы работы с договорами я усвоила простое правило: облегчение не заменяет комплект документов.

У дверей Игорь догнал меня.

— Я не хотел, чтобы все закончилось так.

— Как именно?

— Через бумаги.

— Через бумаги закончилась только юридическая часть. Все остальное ты завершил раньше.

Я не стала ждать ответа. На улице шел мелкий дождь, и машина, которую я арендовала на месяц, успела покрыться точками грязи. Навигатор обещал пятьдесят две минуты до аэропорта. Если на Московском шоссе не случится аварии, я должна была успеть к десяти пятнадцати.

В десять двадцать семь я показала пропуск на служебном входе «Волжского маршрута».

Опоздание на двенадцать минут раздражало меня сильнее, чем разговор с Игорем. В первый рабочий день хотелось войти в здание человеком, который держит слово хотя бы перед собой. Вместо этого я спешила по длинному коридору, читала указатели и пыталась на ходу застегнуть пропуск на жакете.

Офис службы безопасности полетов располагался за центром управления. Меня ждала Алла Синицына — аналитик нашей компании, приехавшая накануне.

— Доброе утро, — сказала она и посмотрела на часы. — Совет перенес вводное совещание на одиннадцать. Нам повезло.

— Мне — да. Совету, скорее всего, нет.

Алла улыбнулась и передала мне временный ноутбук.

Ей было тридцать восемь. Она носила короткую стрижку, удобные ботинки и задавала вопрос прежде, чем соглашалась с выводом. Именно поэтому руководитель поставил ее в мою группу. Мне требовался человек, который не станет принимать мой опыт за доказательство.

— Вчера вечером пришел дополнительный запрос страховщика, — сообщила она. — По прерванному разбегу в августе. Хотят увидеть журнал дефектов, рабочие карты и действия службы безопасности.

— Доступ дали?

— Частичный. Сегодня обещали полный.

Слово «обещали» редко приносило пользу в аудите.

Мы успели открыть план проверки, когда в соседнем помещении кто-то громко потребовал связать его с технической службой. Через открытую дверь я увидела стену мониторов, рабочие места диспетчеров и высокую фигуру мужчины в форменной рубашке.

— Борт шестьсот двенадцать должен уйти в одиннадцать сорок, — говорил он. — Если карта закрыта, пусть пришлют подтверждение сейчас.

— Денис Павлович, у них смена инженера, — ответила женщина за крайним столом. — В системе выпуск есть.

— Я спрашивал о подтверждении работ.

Алла повернула ко мне экран.

— Шестьсот двенадцатый входил в выборку. Замена левого тормозного узла два дня назад.

— Открой комплект.

В электронной папке находились журнал дефектов, запись о выполненном обслуживании и форма допуска к эксплуатации. Рабочей карты замены не было.

Я перечитала список вложений. Иногда файл называли иначе или загружали в соседний раздел. Алла проверила архив и поиск по номеру борта.

— Ничего, — сказала она.

— Кто подтвердил выпуск?

— Организация «ТехКонтур». Электронная подпись мастера смены. Время — вчера, двадцать три шестнадцать.

В системе значился и серийный номер установленного узла. Я переписала его в рабочий блокнот.

Мужчина из центра управления появился в дверях нашего кабинета.

— Кто из вас руководитель проверки?

— Я. Инга Белова.

— Денис Артемьев, командир летного отряда. Мне сказали, вам открыт доступ к техническим записям.

Он говорил без приветственной любезности, но и без намерения поставить меня на место. Перед вылетом у него оставалось меньше часа, и это объясняло темп лучше характера.

— Частичный доступ, — ответила я. — По вашему борту нет рабочей карты замены тормозного узла.

— В форме выпуска стоит подпись.

— Вижу.

— Тогда в чем вопрос?

— Я не могу установить, какие работы подтверждает эта подпись.

Денис подошел к столу. Седина на висках была заметнее, чем из коридора. Он прочел строку на экране, затем назвал внутренний номер технической службы и попросил Аллу набрать его с громкой связью.

Ответил мужчина, представившийся мастером утренней смены.

— Карта должна быть в комплекте, — сказал он. — Вчера узел заменили, ночной мастер закрыл работу.

— Назовите номер карты, — попросила я.

Последовала пауза и звук клавиш.

— Сейчас не вижу. Возможно, не успели отсканировать.

— Оригинал где?

— В архивной корзине ночной смены или у мастера.

— Кто может сверить маркировку установленного узла?

— Механик на стоянке. Но самолет уже готовят.

Денис посмотрел на часы.

— Дайте имя механика и предупредите его.

Мы вышли на стоянку вдвоем. Дождь почти прекратился, но ветер заставил меня придержать папку. Представитель технической службы встретил нас у трапа, выслушал просьбу и вызвал механика с допуском к зоне шасси. Я не подходила к узлу сама и не пыталась оценивать его состояние. Моей задачей были документы и идентификация, а не технический осмотр.

Механик прочел маркировку вслух. Алла записала номер, я сверила его с экраном ноутбука.

Последние две цифры отличались.

— Повторите, пожалуйста, — попросила я.

Он повторил. Алла сделала фотографию по установленной процедуре, включив в кадр служебную табличку и время осмотра.

Денис забрал у меня лист с выписанным номером.

— Это может быть ошибка при вводе?

— Может, — ответила я. — Пока у нас есть только несоответствие записи маркировке и отсутствующая рабочая карта.

— Деталь исправна?

— Я этого не знаю. И не имею права определять.

— Но хотите задержать рейс.

— Я хочу, чтобы техническая служба подтвердила выпуск именно этого узла, а не другого номера.

Он вернул лист.

— На борту семьдесят два пассажира. Через двадцать минут начнется посадка. Следующий свободный самолет только после трех.

— Я понимаю последствия.

— Нет, — вмешалась Оксана Мельник, подошедшая со стороны служебного автобуса. — Последствия считать мне. Если снимем борт сейчас, получим гостиницу для части пассажиров, перебронирование и провал двух стыковок. Поэтому мне нужен документ, а не спор на стоянке.

Она представилась и обратилась к механику:

— Выпуск можете подтвердить?

— По системе да. По карте сейчас ищут.

— По установленной детали?

Механик посмотрел на маркировку и покачал головой.

— Номер другой. Мне нужно поднять журнал.

Оксана достала телефон.

— Сколько времени?

— Минимум сорок минут.

До вылета оставалось тридцать две.

Я открыла форму критического несоответствия. В ней не было кнопки «отменить рейс». Я могла зафиксировать факт, указать риск и рекомендовать приостановить эксплуатацию до подтверждения. Решение оставалось за ответственными службами и командиром.

— Я оформляю рекомендацию снять борт с задания до получения рабочей карты и подтверждения маркировки, — сказала я. — Основание — невозможность установить историю установленного узла по доступным документам.

— Вы начали аудит двадцать минут назад, — заметил Денис.

— Несоответствие от этого не становится менее точным.

Он отвернулся к самолету. У трапа работал агент наземного обслуживания, в багажные отсеки еще не начали грузить чемоданы. Денис вызвал второго пилота, коротко сообщил о задержке и попросил оставаться в комнате экипажей.

Потом обратился к Оксане:

— Я этот борт не принимаю, пока техническая служба не подтвердит выпуск.

— Поняла. Снимаю с задания. Поднимаю резерв и пересадку.

Оксана говорила уже в телефон, перечисляя номера рейсов и свободные места. Решение сразу превратилось в работу для десятков людей. В центре управления меня ждали бы таблицы, недовольные пассажиры, расходы и объяснения совету.

Денис снял форменный пиджак с крючка в служебном автобусе и перекинул через руку.

— Если карта найдется через десять минут, вы измените заключение?

— Если она относится к установленному узлу, подписи совпадут, а время работ подтвердится, я дополню акт.

— И рейс уйдет?

— Это решите вы, техническая служба и центр управления. Я не командую самолетами. Впервые за разговор он улыбнулся. Совсем немного.

— Уже хорошая новость.

— У меня сегодня мало хороших новостей. Берегу каждую.

Мы вернулись в здание. Алла отправила фотографии в защищенное хранилище, внесла время и фамилии присутствовавших. Я закончила форму и передала ее Оксане под подпись о получении.

Через стекло было видно, как к борту подъехал тягач. Самолет уводили со стоянки в техническую зону.

На внутренней линии зазвонил телефон. Оксана ответила, выслушала и включила громкую связь.

— Нашли рабочую карту, — сообщил утренний мастер. — Но там номер из электронной системы. Не тот, который вы прочитали на борту.

— Когда карта подписана? — спросила я.

— Вчера в двадцать два сорок восемь.

— А узел установлен когда?

— По журналу в двадцать три пять.

Подпись о завершении появилась раньше указанного времени установки.

Я попросила прислать заверенную копию и сохранить оригинал. Мастер перестал отвечать сразу и уточнил, имею ли я право требовать сохранения. Я назвала пункт аудиторского договора и попросила подтвердить отказ письменно. После этого он согласился.

Денис стоял у окна. Я не знала, что он думает, но его следующий вопрос прозвучал уже без прежней резкости:

— Что вам понадобится от летного отряда?

— Журнал дефектов за три месяца, сообщения экипажей и список бортов, которые обслуживал «ТехКонтур» по этой системе.

— Получите до конца дня.

— Через официальный запрос.

— Вы всегда так разговариваете?

— В первый день после развода — да. В остальные пока не проверяла.

Он посмотрел на мою правую руку. Кольца там не было с августа. Я сама назвала развод, и этого оказалось достаточно: Денис не задал ни одного личного вопроса.

Оксана положила трубку и повернулась ко мне:

— Резерв будет через два часа десять минут. Часть пассажиров пересадим на рейс партнера. Официальная причина — замена воздушного судна по техническим основаниям. Ваш акт пойдет совету сегодня.

Я кивнула.

— Формулировка верная.

— Тогда зафиксируем итог. Борт снят с задания, экипаж переведен в резерв, пассажиров переоформляем. Командир, ваш рейс отменен.

Последние слова предназначались Денису, но он смотрел на меня.

— Я уже понял, — сказал он. — Теперь хочу понять, почему в наших документах одна деталь успела оказаться на самолете раньше, чем ее установили.

Это был правильный вопрос. И первый за весь день, на который у меня не имелось даже предварительного ответа.

ГЛАВА 2. Несовпадающий номер

На следующий день рабочую карту привезли в наш кабинет в тринадцать сорок.

До этого я успела получить два сообщения от Игоря, трижды объяснить Самсонову, почему критическое несоответствие нельзя закрыть фотографией исправленной строки, и выпить половину остывшего кофе. Вторую половину я вылила, когда увидела на бумаге следы повторной печати.

Карту доставила Лариса Юдина, руководитель группы технической документации «Тех-Контур». Она положила прозрачный пакет на стол и попросила расписаться за получение.

— Оригинал остается у нас, — предупредила она. — Вы можете осмотреть его и сделать заверенную копию.

— Так и сделаем.

Я проверила номер страницы, дату и подписи. В верхней части карты стоял серийный номер из электронной системы. Нижняя строка с временем завершения работ была напечатана чуть темнее остального текста. Это могло объясняться заменой картриджа или повторным проходом через принтер. Само по себе отличие ничего не доказывало.

— Где карта находилась после подписания? — спросила я.

— В корзине ночного мастера. Утром документы передали в нашу группу.

— Кто вносил электронную запись?

— Контролер смены.

— Имя?

Лариса посмотрела на Аллу, которая вела протокол.

— Запросите официально.

— Уже запросили в одиннадцать двадцать семь.

— Тогда вам ответят.

Она держалась с достоинством человека, который давно научился различать просьбу и формальное требование. Я не стала спорить. Чем точнее соблюдалась процедура, тем труднее потом было назвать результат личным мнением.

— Нам нужна архивная версия электронной записи до последнего изменения, — сказала я. — И список пользователей, которые открывали карточку с двадцати часов второго октября.

— Доступ к архиву находится у авиакомпании.

— А журнал вашей смены?

— У нас.

— Его тоже включите в ответ.

Лариса подписала отметку о том, что получила перечень запросов. Перед уходом она остановилась у двери.

— Из-за одной опечатки вы остановили самолет.

— Я пока не знаю, была ли это опечатка.

— Любой человек может перепутать цифру.

— Согласна. Поэтому мы проверяем, что произошло, а не выбираем виновного.

Лариса ничего не ответила.

В четырнадцать двадцать приехал Павел Никитин. Он работал с нашей компанией как независимый технический эксперт и должен был участвовать в осмотре по договору. Павел снял мокрую куртку, вытер очки и попросил сначала показать ему исходный запрос страховщика.

— К самолету успеем, — сказал он, когда Алла потянулась к пропускам. — Сначала хочу знать, на какой вопрос отвечаю. Если вы ждете от меня признания детали опасной по фотографии, можете сразу отправить домой.

— Мне нужно установить маркировку, состояние, доступную историю узла и допустимый порядок проверки, — ответила я.

— Уже лучше.

Он прочел документы, отдельно отметил время подписания карты и установки, после чего составил перечень людей, которые должны присутствовать при осмотре. Представитель технической организации, механик с нужным допуском, сотрудник авиакомпании и член нашей группы. Сам Павел имел право оценивать выполненные работы, но не хотел оставлять подрядчику оснований оспорить порядок.

Мы собирались идти в ангар, когда Денис появился в кабинете с папкой сообщений экипажей.

Форменную рубашку он сменил на темный джемпер. Отмененный рейс ушел резервным самолетом сорок минут назад, и его экипаж перевели на вечернее дежурство.

— Здесь отчеты за три месяца, — сообщил он. — Оригиналы остаются в летной службе, копии заверены.

Я приняла папку по реестру.

— Спасибо.

— Когда будете осматривать борт?

— Через двадцать минут.

— От летного отряда пойдет инженер по эксплуатации и второй пилот сегодняшнего экипажа.

— Зачем второй пилот?

— Чтобы вопросы к действиям экипажа не возникли после того, как самолет разберут без нашего представителя.

Павел поднял взгляд от карты.

— Мы не разбираем самолет. Сверяем маркировку, состояние и пломбы. Если потребуется демонтаж, будет отдельное решение технической организации.

— Тогда представитель экипажа никому не мешает.

Я понимала причину. После отмены рейса внутри компании уже искали человека, который получит первый выговор. Денис защищал подчиненных доступным ему способом.

— Пусть присутствует, — согласилась я. — Но в акте он будет указан как наблюдатель, без технического заключения.

— Подходит.

— И вопросы задаю я или Павел.

— Если не услышу обвинения в адрес экипажа без оснований.

— Тогда вам будет скучно.

Павел кашлянул, скрывая усмешку. Денис посмотрел на меня дольше, чем требовал ответ, затем отступил к двери.

— В ангаре скучно бывает редко.

Самолет стоял на дальней позиции технической зоны. Внутри ангара было теплее, чем на улице, но от открытых ворот тянуло сыростью. Я убрала волосы под защитную каску, надела жилет и проверила список присутствующих. Денис остался за огражденной линией вместе со вторым пилотом. Павел и механик подошли к стойке шасси.

Маркировка совпала с номером, который мы записали утром, и по-прежнему отличалась от карты. Павел проверил пломбы, внешнее состояние и доступные отметки. Затем попросил журнал установки и наряд на работу.

Мастер смены принес папку. В наряде стоял правильный физический номер, но в строке выдачи со склада цифры были исправлены ручкой. Исправление заверили одной подписью вместо двух, предусмотренных внутренним порядком.

— Кто получил узел? — спросил Павел.

— Механик ночной смены.

— Он на работе?

— Будет завтра вечером.

— До разговора с ним выводов не делаем, — сказал Павел мне. — По внешнему состоянию узел установлен. Определить остаточный ресурс и соответствие заявленной истории без документов я не могу. Нужна проверка по утвержденной программе.

Я внесла его слова в заметки.

Денис подошел к линии, не переступая ее.

— Самолет может вернуться в расписание сегодня?

— Я такого заключения не дам, — ответил Павел. — У меня нет подтвержденной истории узла.

— А если найдут паспорт детали?

— Сверим паспорт, поставку и фактическую маркировку. Потом решит ответственная техническая служба.

Денис принял ответ кивком. Он не пытался спорить с человеком, чьи полномочия были яснее моих.

После осмотра я предложила ему пройти вместе до офиса. Хотела понять, где заканчивается защита команды и начинается привычка контролировать чужую проверку.

— Вы всегда включаете экипаж в технический осмотр? — спросила я в коридоре.

— Когда вижу, что руководство готово объяснить проблему неправильным торможением, да.

— Кто это сказал?

— Никто не сказал. Самсонов запросил данные о действиях экипажа через десять минут после отмены.

— Это еще не обвинение.

— Я знаю порядок. Сначала просят данные, потом находят превышение, которое помещается в допуск, а к вечеру в служебной записке появляется фамилия командира.

— Такое уже было?

Денис задержался у двери центра управления, пропуская сотрудников с тележкой документов.

— Было достаточно раз, чтобы я не оставлял людей одних.

— Тогда дайте мне примеры.

— Если они относятся к проверке.

— Решать, относятся ли они к проверке, буду я.

— Вот поэтому я и хочу видеть, как вы решаете.

Мы остановились друг напротив друга. Он не повысил голос. Я тоже. Спор оказался сложнее обычной борьбы за доступ: каждый из нас считал, что защищает людей от чужого поспешного вывода.

— Хорошо, — сказала я. — Вы получаете копии протоколов интервью в части, которая касается летной службы. Личные данные и сведения других подразделений будут закрыты. Представитель экипажа присутствует при осмотрах, если его действия входят в предмет проверки. Взамен я получаю все сообщения о похожих дефектах, включая те, которые были закрыты.

— Срок?

— Завтра до полудня.

— Договорились.

Он протянул руку. На правой ладони был белый след старого пореза. Я пожала ее и сразу пожалела, что заметила шрам: до этой минуты Денис Артемьев состоял для меня из должности,

возражений и подписи в реестре. Теперь к этому добавилась рука, теплая после помещения, и взгляд человека, который проверял, сдержу ли я условие.

Я вернулась к документам.

Алла уже получила первую выгрузку из архива. На ее экране рядом стояли две версии карточки узла.

— Смотри время, — сказала она.

Исходную запись создали второго октября в двадцать два пятьдесят шесть. В ней был указан физический номер, который мы видели в ангаре. В двадцать три двадцать девять номер изменили на тот, что стоял в рабочей карте и электронной форме выпуска.

— Пользователь? — спросила я.

— Учетная запись Антона Гусева, контролера ночной смены. Но есть проблема. По табелю его смена закончилась в двадцать три ноль-ноль.

— Тридцать минут — не доказательство. Мог задержаться.

— Мог. Только его пропуск сработал на выход в двадцать три четыре. Обратного входа нет.

Алла открыла журнал доступа. Запись действительно изменили после того, как Антон покинул здание.

— Удаленный доступ разрешен? — спросила я.

— Для этой роли нет. Система работает только из внутренней сети.

— Значит, кто-то использовал его рабочее место или данные учетной записи.

— Либо журнал пропусков неполный.

— Проверяем оба варианта.

Я запросила расположение компьютера, с которого внесли изменение, график сотрудников и порядок хранения рабочих токенов. Потом позвонила Ларисе Юдиной.

— Мы получили архивную версию записи, — сказала я. — Номер изменен после окончания смены контролера. Мне нужно официальное интервью с Антоном Гусевым и его непосредственным руководителем.

— Вы считаете, он подделал запись?

— Я считаю только то, что могу подтвердить. Сейчас подтверждено время изменения под его учетной записью.

— С сегодняшнего дня Антон в отпуске. Вернется двадцать восьмого.

— Тогда предложите ближайшее рабочее время после его возвращения. До интервью прошу не обсуждать с ним содержание вопросов, кроме общей темы.

— Вы не можете запретить мне разговаривать с сотрудником.

— Не могу. Я прошу сохранить независимость его объяснения и фиксирую вашу позицию.

Лариса назвала двадцать восьмое октября, девять тридцать. Усталость выдавала ее сильнее резкости. Я подтвердила дату и закончила разговор.

В папке Дениса лежали двадцать семь сообщений экипажей. Большинство касалось обычных неисправностей, устраненных по процедуре. Три были связаны с тормозной системой после обслуживания в «ТехКонтуре». В двух случаях экипажи отмечали разницу температур после посадки. Проверка подрядчика признала параметры допустимыми. Третье сообщение составил сам Денис три месяца назад.

— У нас еще один номер, — сказала Алла.

Она открыла складской реестр. Серийный номер из рабочей карты значился там как находящийся на хранении. Последнее движение — приемка две недели назад, выдачи не было.

— То есть по электронной записи он установлен на самолете, а по складу лежит на полке, — подвела итог Алла.

— Пока именно так.

— Будем проверять склад сегодня?

Я посмотрела на часы. Шел восьмой час вечера. Склад работал круглосуточно, однако осмотр требовал представителя подрядчика и Павла, который уехал после шести. Попытка успеть все за один день дала бы Самсонову возможность оспорить порядок.

— Утром. Сейчас заверяем выгрузку и закрываем реестр доступа.

— Правильный ответ. Хотя мне хотелось другого.

— Мне тоже.

Мы сформировали контрольные суммы файлов, записали источник и время получения, после чего отправили копию в защищенное хранилище нашей компании. Я не была специалистом по цифровой экспертизе и не притворялась им. Алла отвечала за техническую часть, а я — за то, чтобы каждый материал имел понятное происхождение.

В двадцать один десять я вышла на стоянку для сотрудников. Дождь закончился. На стекле машины лежал рекламный лист службы доставки, прижатый дворником. Я сняла его и выбросила в урну, не читая.

Телефон показал еще одно сообщение от Игоря: «Надеюсь, на новой работе все спокойно. Если понадобится помощь, скажи».

Я удалила уведомление с экрана, но само сообщение оставила. Не из надежды. Просто сегодня я слишком много раз объясняла другим, что записи нельзя менять ради предпочтительной версии событий.

Перед тем как завести двигатель, я позвонила Денису по служебному номеру.

— Мы нашли архивную запись. Номер изменили после окончания смены контролера.

— Это подтверждено?

— Временем системы и журналом пропусков. Причина пока неизвестна.

— Завтра получите сообщения, которые я обещал. Все, включая закрытые.

— Спасибо.

— Инга Сергеевна.

— Да?

— Вы были правы насчет рейса.

Он сказал это ровно, без попытки превратить признание в одолжение.

— Мы оба приняли решение в пределах своих полномочий, — ответила я.

— Знаю. Поэтому и говорю только за свое.

Когда связь прервалась, я еще несколько секунд держала телефон у руля. Потом убрала его в сумку и открыла навигатор.

Завтра нам предстояло выяснить, почему номер установленного узла заменили на номер детали, которая по складу никуда не выдавалась. Одна опечатка уже не объясняла все расхождения.

ГЛАВА 3. Сорок пять дней

Пятого октября в восемь утра Самсонов предложил исправить номер в системе и вернуть самолет в расписание.

Предложение занимало четыре строки. В приложении к нему находились расчет убытков за отмененный рейс и письмо регионального заказчика, потребовавшего объяснений. Технического заключения не было.

Я распечатала письмо, отметила время получения и положила его в папку к материалам заседания. В одиннадцать совет директоров должен был решить, останется ли проверка в пределах одного узла или получит сорок пять дней, предусмотренных первоначальным договором.

Алла пришла с двумя стаканами кофе и папкой под мышкой.

— Журнал доступа нам так и не отдали полностью. Только страницы по карточке шестьсот двенадцатого.

— Причина?

— Персональные данные и коммерческая тайна.

— В журнале нет коммерческой тайны. Есть имена пользователей, время и адреса рабочих станций.

— Я тоже так ответила. Теперь они советуются с юристом.

Она поставила передо мной кофе.

— Без сахара. Я спросила вчера, но ты, скорее всего, не услышала.

— Спасибо.

— Это можно считать помощью или надо оформить актом?

— Если сохранила чек, рассмотрим оба варианта.

Алла села напротив.

— Я сверила рабочие станции. Изменение внесено с компьютера документационной группы. У нас нет номера конкретного места, потому что подрядчик выгрузил только часть адреса.

— Значит, Антон мог оставить сессию открытой до ухода.

— Или вернуться через другой вход.

— Или журнал пропусков неполный. В заключение пока ничего.

— Ты всегда перечисляешь версии, которые портят хороший вывод?

— За это мне платят.

До заседания мы составили таблицу: подтвержденный факт, возможное объяснение, необходимая проверка. В первой колонке было пять строк. В третьей — семнадцать. Я знала, что Самсонов назовет это попыткой раздуть одну опечатку до масштаба кризиса. Поэтому начала выступление с того, чего мы пока не доказали.

В зале сидели семь членов совета, Оксана, начальник службы безопасности полетов и Самсонов. Дениса пригласили как руководителя летного подразделения. Он занял место у стены, открыл блокнот и до моего выступления ни с кем не разговаривал.

— Мы не утверждаем, что установленный узел неисправен, — сказала я. — Не утверждаем, что запись изменили намеренно, и не называем виновного. Подтверждены три обстоятельства: номер на детали расходится с электронной записью, рабочая карта подписана до указанного времени установки, а в архиве есть более ранняя версия с физическим номером.

Самсонов поднял руку, хотя совещание не требовало разрешения говорить.

— Последнюю цифру исправил контролер. Мы можем наказать сотрудника и закрыть вопрос сегодня.

— Наказать за что?

— За ошибку.

— Мы не знаем, кто ее совершил. Изменение внесено под учетной записью человека после того, как его пропуск сработал на выход. Кроме того, номер из исправленной записи числится на складе.

Председатель совета, Сергей Лаврович Зимин, перелистнул копии.

— На складе физически проверяли?

— Осмотр назначен на сегодня с участием технического эксперта и представителей подрядчика. До него корректно говорить только об учетной записи.

— Сколько вы хотите проверять одну деталь? — спросил Самсонов.

— Я предлагаю проверить три последних ремонта этой системы, порядок доступа к записям, выдачу со склада и цепочку поставки. Если расхождение единичное, мы это подтвердим и закончим раньше срока.

— А если нет?

— Тогда сорок пять дней могут оказаться коротким сроком.

Финансовый директор вывела на экран расчет простоя. Один день двух бортов стоил компании больше, чем мой шестимесячный договор. Цифра не делала самолет исправным, но объясняла, почему каждый час проверки будет превращаться в давление.

— Мы не можем остановить половину парка из-за предположения, — сказала она.

— Я этого не предлагаю. Ограничение касается конкретного борта до подтверждения его выпуска. Второй самолет продолжает работу, пока нет основания для иного решения.

— Основание появится после склада? — уточнила Оксана.

— Если физическая деталь с тем же номером действительно окажется там, потребуется проверить все записи, где этот номер использован.

Денис поднялся с места.

— Совет просил позицию летной службы. Я не приму шестьсот двенадцатый, пока техническая организация не подтвердит историю установленного узла. По остальным бортам решение должно приниматься по фактам, а не по общему страху.

Самсонов повернулся к нему.

— Ваша позиция уже обошлась нам в отмененный рейс.

— Моя обязанность включает решение о том, можно ли выполнять полет. Стоимость гостиницы для пассажиров в нее не входит.

— Но зарплату вы получаете из тех же денег.

— Поэтому заинтересован, чтобы компания продолжала работать.

Денис сел. Я не поблагодарила его взглядом или кивком. На заседании его слова имели собственный вес и не нуждались в личном союзе со мной.

Совет удалился на двадцать минут. Мы ждали в коридоре. Самсонов разговаривал по телефону у окна. Оксана листала расписание на планшете. Денис подошел к автомату с водой и поставил рядом со мной бумажный стакан.

— Это уже второй напиток за утро, — сказала я. — Возникает финансовая зависимость.

— Вода бесплатная.

— Тогда репутационная.

— Отразите в отчете.

Он вернулся к стене, прежде чем я придумала ответ. Алла, стоявшая рядом, сделала вид, что занята телефоном.

Решение совета заняло полторы страницы. Проверка продолжалась до семнадцатого ноября. Нам открывали доступ к техническим и связанным финансовым документам в пределах утвержденной выборки. Любой отказ должен был оформляться письменно. Осмотр деталей проводился с участием допущенного специалиста. Промежуточные выводы я обязалась представлять каждую пятницу.

— Сорок пять дней с даты начала, — уточнил Зимин. — Не с сегодняшнего заседания.

— Понимаю.

— Если найдете основания для немедленного ограничения, направляйте Оксане и начальнику службы безопасности. Решения по расписанию принимают они.

— Именно так и будет.

Самсонов подписал протокол последним. Ручку он положил на стол аккуратно.

— Надеюсь, мы все понимаем цену осторожности.

— Теперь она есть в вашем расчете, — ответила я. — Цена непроверенного риска пока неизвестна.

Я пожалела о фразе сразу. Она звучала слишком подготовленно и ничего не меняла. В дальнейшем мне следовало оставлять эффектные выводы тем, кому не нужно было доказывать каждую строку.

После заседания мы спустились на склад. Павел уже ждал у входа. Представитель «ТехКонтур» принес реестр и открыл секцию хранения. Я сверила номер ячейки с записью.

На полке лежал опечатанный контейнер. Этикетка содержала тот самый серийный номер, который по электронной карточке был установлен на самолете. Однако вскрывать контейнер без отдельного наряда подрядчик отказался.

— Мы должны убедиться, что внутри именно узел, — сказал Павел.

— Пломба цела, маркировка есть, — ответил складской мастер.

— Маркировка на коробке подтверждает коробку. Не содержимое.

Лариса Юдина предложила провести вскрытие на следующий день в начале смены. Я зафиксировала контейнер, пломбу, место хранения и присутствующих. Отказ от немедленного вскрытия тоже внесла в протокол без обвинительных формулировок.

В офис мы вернулись после трех. На экране ждали новые права доступа и письмо юриста «ТехКонтур». Полный журнал выдавался только в присутствии сотрудника подрядчика, копирование запрещалось.

— Это противоречит решению совета, — сказала Алла.

— Оно относится к авиакомпании. Подрядчик будет утверждать, что совет не распоряжается его системой.

— И что будем делать?

— Запросим у «Волжского маршрута» документы, на основании которых они принимают электронные записи подрядчика. У компании должна оставаться своя копия или след получения.

— А если нет?

— Тогда это отдельное несоответствие контроля.

Я создала реестр запросов. Номер, дата, адресат, срок, ответ, причина отказа. Отдельную колонку оставила для последствий. Через сорок пять дней этот список должен был показать не только то, что нам дали, но и то, что пытались оставить за пределами проверки.

Шестого октября у меня была вторая встреча с медиатором. Игорь просил перенести ее из-за командировки, но я отказалась: график был согласован заранее, а его юрист мог присутствовать без него.

В переговорной Игорь все же появился сам.

— Я освободил два часа, — сообщил он, садясь напротив.

— Спасибо, что пришел на собственный раздел имущества.

Медиатор разложила исправленный расчет. По нему моя доля семейных накоплений увеличивалась на сумму, которую в первом варианте называли расходами компании. Я восемь лет вела ее договоры и знала: часть расходов оплатили из общего счета, хотя актив остался в собственности Игоря.

— Мы это обсуждали, — сказал он. — Деньги ушли на развитие бизнеса, которым пользовались оба.

- Пользовались доходом. Доля в бизнесе оформлена на тебя.
- Ты сама не хотела входить в состав учредителей.
- Потому что ты говорил, что так безопаснее для семьи.
- Игорь постучал пальцем по таблице.
- Что изменилось за два дня? Ты решила забрать все до копейки?
- Изменилась только точность расчета.
- Это твоя новая работа так действует?
- Моя новая работа оплачивается отдельно.

Медиатор вернула разговор к цифрам. После сорока минут Игорь согласился на исправленную сумму, но предложил перечислить ее шестью платежами за год. Мой бюджет этого не выдерживал. Аренда, машина и повседневные расходы съедали сбережения быстрее, чем хотелось признавать.

- Три платежа до конца января, — сказала я. — Первый до тридцать первого октября.
- Компания не обязана финансировать твою аренду.
- Компания здесь ни при чем. Это твое обязательство по соглашению.
- Ты могла остаться в квартире до продажи.
- И встречаться с Кариной на кухне по графику?

Он отвел взгляд. Реплика была резкой, но хотя бы честной. Я устала вести развод так, словно вся неловкость возникла из-за моей неспособности спокойно принять удобное решение.

Мы сошлись на четырех платежах, первый — до конца месяца. Условия отправили нотариусу на проверку. Подписывать окончательную версию предстояло позже.

У выхода Игорь придержал дверь.

— Ты оставишь мою фамилию?

— Оставлю свою.

— Белова — моя фамилия.

— Под ней я получала диплом, работала в авиации и подписала сотни документов. У тебя останется точно такая же. Поместимся оба.

На улице он пошел к своей машине, я — к арендованной. Когда-то мы всегда парковались рядом, чтобы после встречи ехать домой друг за другом. Теперь каждый знал только дорогу к собственной машине.

В аэропорт я вернулась к шести. Алла прислала промежуточную таблицу. Полный журнал доступа не появился. Зато система авиакомпаний сохранила уведомление о получении измененной карточки: двадцать три тридцать одна, через две минуты после правки у подрядчика.

— То есть наша система приняла новую версию автоматически, — сказала Алла по видеосвязи. — Без сравнения с предыдущей и без повторного согласования.

— Кто получил уведомление?

— Дежурный специалист службы качества. Он открыл его утром после рейса.

— Запрашивай интервью и порядок обработки изменений.

— Уже.

Я закрыла ноутбук только после девяти. В коридоре почти никого не осталось. На двери нашего кабинета висела новая табличка: «Независимая аудиторская группа. Доступ по согласованию».

Сорок пять дней казались большим сроком, пока я не разложила их по задачам. Осмотры, интервью, поставки, платежи, версии записей, пятничные отчеты. Выходных в плане оставалось три.

Денис ждал у центра управления с папкой в руках.

— Закрытые сообщения, — сказал он. — Все, которые нашел архивариус.

— Можно было передать утром.

— Можно. Но одно подписывал я. Хотел сказать об этом до того, как вы прочтете.

Он протянул папку. Верхний документ датировался июлем и касался того же типа тормозного узла.

— Что с ним сделали? — спросила я.

— Подрядчик ответил, что отклонение находилось в допуске. Служба безопасности закрыла сообщение.

— Вы согласились?

— Подписал ознакомление с выводом.

— Это разные вещи.

— Тогда я тоже так решил.

Я открыла последнюю страницу. Рядом с подписью Дениса стоял номер детали.

Он совпадал с тем, который сегодня числился на складской полке.

ГЛАВА 4. Закрытый отчет

Седьмого октября контейнер на складе вскрыли в присутствии семи человек.

Павел сверил пломбу с актом, составленным накануне, складской мастер разрезал пластиковые стяжки и поднял крышку. Внутри находился тормозной узел в защитной упаковке. Серийный номер совпал с этикеткой контейнера, складским реестром и номером, который стоял в измененной карточке самолета.

Я попросила прочесть его еще раз. Потом сверила каждую цифру сама.

— Значит, электронная карточка шестьсот двенадцатого указывает на деталь, которая лежит здесь, — сказала Алла.

— Да, — подтвердил Павел. — На самолете установлен другой узел. Его номер был в первой версии записи.

Представитель «ТехКонтур» попросил не называть ситуацию подменой.

— Мы и не называем, — ответила я. — В акте будет расхождение между фактической маркировкой и учетными данными.

— Для прессы разницы не будет.

— Прессы здесь нет.

Складской мастер упаковал деталь обратно и поставил новую пломбу. Мы записали номер, время и место хранения. Павел запросил паспорт узла и историю ремонта. Документы обещали предоставить к следующему утру.

В десять начались интервью с пилотами. Денис настоял, чтобы первые три разговора прошли в помещении летного отряда. Я согласилась: комната была знакома сотрудникам, а присутствие их руководителя не требовалось. Он остался в соседнем кабинете и получил форму протокола заранее.

Первым пришел командир, который выполнял августовский рейс с прерванным разбегом. Он сел на край стула и сразу спросил, грозит ли ему отстранение.

— Я не принимаю кадровых решений, — сказала я. — Мне нужно восстановить порядок событий и понять, какие сообщения вы подавали.

— Все есть в отчете.

— Я его читала. Сейчас хочу услышать, что вы считали важным в тот день.

Он описал изменение показаний, решение прервать разбег и последующую проверку. Говорил точно, пока не дошел до разговора после происшествия. Тогда ответы стали короче.

— Кто предложил указать возможную ошибку экипажа? — спросила я.

— Никто не предлагал.

— В первой версии вашего сообщения этой фразы нет. Во второй есть.

— Мы уточнили формулировку.

— Кто участвовал в уточнении?

Пилот посмотрел на закрытую дверь.

— Начальник службы безопасности и представитель коммерческой дирекции.

— Денис Артемьев присутствовал?

— Пришел позже. Увидел уже согласованный текст.

— Возражал?

— Спросил, почему мы пишем о вине экипажа до расшифровки. Фразу заменили на «возможное влияние действий экипажа».

Я попросила перечислить присутствующих и подписать протокол после прочтения. Пилот согласился, но отдельно попросил записать: решение прервать разбег он по-прежнему считал правильным.

— Это подтверждают данные, — сказала я.

— Тогда почему три месяца мы слышим, сколько компания потеряла?

Я могла объяснить, что убыток и правильность решения существуют одновременно. Однако он спрашивал не об экономике. Ему хотелось знать, почему система не защитила человека, который выполнил процедуру.

— Именно это мы проверяем, — ответила я.

Второй пилот вспомнил разницу температур тормозов после посадки в июле. Отклонение оставалось в пределах допуска, но появилось сразу после обслуживания. Экипаж подал сообщение, получил ответ подрядчика и больше к вопросу не возвращался.

Третья собеседница, молодая командир воздушного судна, принесла собственные записи.

— Я веду тетрадь по бортам, — сказала она. — Не официальный документ. Просто отмечаю особенности.

— Можете использовать ее, чтобы вспомнить даты, но в доказательства включим только то, что подтверждается журналами.

— Понимаю.

У нее было две отметки по шестьсот двенадцатому: после ремонта самолет на пробеге уводило чуть сильнее обычного, затем замечание исчезло. Она сообщила об этом устно техническому специалисту и не составила отдельную запись, потому что параметры были допустимыми.

— Сейчас понимаю, что следовало написать, — сказала она.

— Сейчас вы знаете больше, чем тогда. Оценивать нужно решение по тем данным, которые у вас были.

— Денис Павлович говорит так же.

— Часто?

— Когда руководство хочет найти крайнего после события.

После третьего интервью Денис вошел в комнату с подносом из столовой. На нем стояли четыре тарелки с супом, хлеб и чай.

— У вас перерыв по расписанию, — сообщил он.

— У аудиторов нет расписания питания.

— Теперь есть. Следующий пилот на тренажере до двух.

Алла без спора взяла тарелку. Я собиралась отказаться, но с утра съела только йогурт в машине. Честность перед собой иногда состояла из признания простого факта: если не пообедую сейчас, к вечеру начну ошибаться в цифрах.

— Спасибо, — сказала я.

Денис сел у окна. Он не спрашивал, что сообщили подчиненные. Вместо этого открыл свой экземпляр июльского донесения.

— Вы нашли совпадение? — спросил он.

— Номер из вашего документа числится на складе. На самолете стоит другой.

— В июле этот узел был на шестьсот восьмом.

— Откуда знаете?

— Я выполнял рейс после обслуживания и переписал номер из ответа технической службы. Привычка.

— Где запись?

Он достал из папки копию полетного задания. На обороте от руки был указан номер. Я сверила его с донесением.

— Почему этого нет в официальном приложении?

— Потому что я записал для себя после разговора с инженером. Тогда номер не казался важным.

— А сейчас?

— Сейчас один серийный номер относится к детали на складе, к узлу в июльском ответе и к карточке другого самолета.

— Только по документам. Физически в июле мы ее не видели.

— Вы всегда добавляете ограничение к плохой новости?

— И к хорошей.

Он помолчал, затем передал мне копию по реестру. Я заметила, что он принес ее заранее. Значит, нашел запись до того, как узнал результат склада, и решил не оставлять у себя.

— Кто закрыл ваше июльское донесение? — спросила я.

— Начальник службы безопасности. Получил заключение «ТехКонтур», что параметры соответствуют норме.

— Вас приглашали на разбор?

— Нет. Я прочел ответ, увидел допустимые значения и подписал ознакомление.

— Почему подали сообщение, если значения были допустимыми?

— Потому что экипаж заметил изменение сразу после обслуживания. Допуск говорит, можно ли продолжать эксплуатацию в конкретных условиях. Он не объясняет, почему система стала работать иначе.

Это был ответ человека, который понимал разницу между безопасным пределом и причиной отклонения. Тем труднее становилось принять, что он согласился на закрытие вопроса.

— Вы настаивали на независимой проверке?

— Нет.

— Почему?

Денис провел пальцем по краю папки.

— В тот день у нас выбыл второй самолет. Еще одно ограничение означало отмену трех рейсов. Техническая служба дала письменное заключение. Я решил, что этого достаточно.

— То есть приняли риск из-за расписания?

— Нет. Я принял заключение специалистов, у которых были полномочия. Расписание повлияло на то, насколько охотно я согласился.

Он не пытался сделать свое решение красивее. Я записала формулировку почти дословно.

— Это войдет в протокол интервью.

— Я понимаю.

— И может повлиять на оценку ваших действий.

— Это тоже понимаю.

Алла собрала пустые тарелки. До следующего интервью оставалось десять минут.

— Тогда зачем вы принесли личную запись? — спросила я.

— Чтобы вы нашли причину раньше, чем кто-нибудь снова решит, что допустимое значение означает отсутствие проблемы.

Он поднялся и забрал поднос.

Я смотрела на дверь после его ухода и чувствовала раздражение, которому не могла сразу подобрать адрес. Денис совершил ошибку и сам принес документ, позволяющий ее обнаружить. Игорь за восемнадцать лет научился признавать только то, что уже нельзя было скрыть. Я не хотела сравнивать этих мужчин, но память делала это без разрешения.

— Он тебе нравится, — сказала Алла.

— Он дал важный документ.

— Я про суп.

— Суп был пересолен.

— Значит, все серьезно.

Я попросила ее открыть реестр и вернулась к работе.

Восьмого октября мы получили паспорт детали со склада. Узел был новым, поступил две недели назад и в эксплуатацию не выдавался. Документы выглядели последовательно: поставщик, дата, приемка, пломба. Павел подтвердил, что физическая маркировка соответствует паспорту.

Это означало, что номер нового узла использовали в карточке шестьсот двенадцатого, хотя сам узел оставался на складе. Зачем — оставалось неизвестно.

Я пригласила Ларису на интервью. Она пришла с юристом «ТехКонтур» и заранее подготовленными ответами.

— Кто имеет право менять закрытую карточку? — спросила я.

— Контролер документации при обнаружении ошибки.

— Требуется согласование?

— Зависит от поля.

— Для серийного номера?

Юрист попросил показать внутреннее положение, на которое я ссылалась. Я положила перед ним копию, полученную по договору авиакомпании.

Лариса прочла пункт.

— Требуется подтверждение мастера смены.

— В журнале его нет.

— Возможно, подтверждение оформили на бумаге.

— Предоставьте.

— Если сохранилось.

— Такие документы хранятся не меньше срока, установленного вашим порядком.

Юрист вмешался:

— Инга Сергеевна, вы рассматриваете обычную ошибку как умышленное нарушение.

— Я ни разу не использовала слово «умышленное». Но обычная ошибка тоже должна иметь автора, время исправления и подтверждение.

Лариса сложила руки на столе.

— Антон часто оставлял токен в компьютере. Мы делали ему замечания.

— Письменные?

— Устные.

— Кто мог находиться в помещении после его ухода?

— Ночная смена. Шесть человек.

— Камеры есть?

— В коридоре. Внутри нет.

— Записи сохранены?

Юрист снова попросил оформить запрос. Я передала уже подготовленный документ.

После интервью Алла закрыла дверь и сказала:

— Она пришла объяснить все небрежностью Антона.

— Возможно, он действительно оставил токен.

— Но номер выбрал кто-то другой.

— Вот это нам и нужно доказать.

Мы разложили на столе три документа: июльское донесение Дениса, паспорт нового узла и карточку шестьсот двенадцатого. Один номер соединял события, между которыми было почти три месяца.

Я позвонила Оксане и попросила временно сохранить данные по всем самолетам, где «ТехКонтур» менял тормозные узлы за полгода. Она уточнила объем, срок и расходы на выгрузку, затем согласовала работу с внутренней службой качества.

— Самсонов будет против, — предупредила она.

— Пусть ответит письменно.

— Он предпочитает устно.

— Тогда это останется его неудобством.

Вечером Денис зашел за протоколом своего интервью. Я передала ему распечатку.

Он прочел каждую строку, исправил время июльского разговора на пятнадцать минут и расписался.

— Вы оставили мою фразу про расписание, — сказал он.

— Вы ее произнесли.

— Я не возражаю.

— Тогда к чему вопрос?

— Хотел проверить, станете ли вы делать меня удобнее для своего вывода.

— И как результат?

— Не стали.

— Разочарованы?

— Пока нет.

Он вернул протокол. В этой короткой реплике не было обещания доверять мне. Только признание, что сегодня я выдержала проверку, которую он устроил без предупреждения.

Когда Денис ушел, Алла вывела на экран первые результаты общей выгрузки.

— Есть еще один борт после ремонта в августе, — сказала она. — Шестьсот седьмой. В карточке установлен узел с номером, который мы видели на шестьсот двенадцатом.

Я перечитала строку.

На стоянке шестьсот двенадцатого маркировку фиксировали при мне. Ошибиться в цифрах дважды было трудно. Если запись по второму самолету соответствовала физической детали, один серийный номер относился уже к двум узлам.

На этот раз — на двух самолетах.

ГЛАВА 5. Два самолета, одна деталь

Шестьсот седьмой вернулся в Самару девятого октября в девять двадцать.

Мы ждали у ангара вместе с Павлом, представителем «ТехКонтур» и Оксаной. Самолет должен был снова выйти на линию после обеда, поэтому на осмотр отвели два часа. Денис прилетел на нем вторым пилотом-наблюдателем: по графику он проводил проверку молодого командира и до посадки не знал, какой номер мы нашли в архиве.

Пассажиры вышли, багаж выгрузили. Технический специалист принял борт и только после этого разрешил начать осмотр.

— Что проверяем? — спросил Денис, снимая пиджак.

— Маркировку правого тормозного узла, установленного в августе, — ответила я. — По карточке у него тот же номер, который физически стоит на шестьсот двенадцатом.

Он посмотрел в сторону соседней технической позиции, где находился снятый борт.

— Ошибка переноса?

— Возможно.

— Вы говорите это уже третий день.

— Пока возможность не исключена.

Осмотр проводил Павел с допущенным механиком. Я стояла за линией вместе с Оксаной и записывала последовательность действий. За последние дни я привыкла ждать: доступ к узлу, освещение, очистка таблички, повторная сверка. Быстрый ответ в такой работе чаще означал, что кто-то пропустил обязательный шаг.

Павел прочел номер один раз, затем попросил механика повторить. Я сверила запись с фотографией шестьсот двенадцатого.

Совпали все символы.

— На двух узлах одинаковая маркировка, — сказал Павел. — Нужно проверить способ нанесения номера и документы происхождения обоих. До этого я не могу определить, какая табличка подлинная.

Представитель подрядчика шагнул ближе.

— Серийный номер могли перепутать при ремонте. Это не влияет на работу узла.

— А на подтверждение остаточного ресурса влияет, — возразил Павел. — Без идентификации я не знаю, сколько циклов прошла конкретная деталь и какие работы с ней выполнялись.

Оксана открыла расписание.

— Мне нужен ответ по эксплуатации. Что делаем с шестьсот седьмым сегодня?

Павел повернулся к ней.

— Техническое решение дает ответственная организация. Мое заключение: история установленного узла документально не подтверждена, до установления происхождения эксплуатацию рекомендую приостановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.